

Домогогаров Александр 15.6.98 Русский Ромео?

«Красавец» — для него худший комплимент. Ампула героя-любownika, прилипшее после «Графини де Монсоро», осточертело. Он мечтает сыграть уродца, но «обаятельного и умного».

ТВ Парк. - 1998. - 15-21 июня - с. 6-8

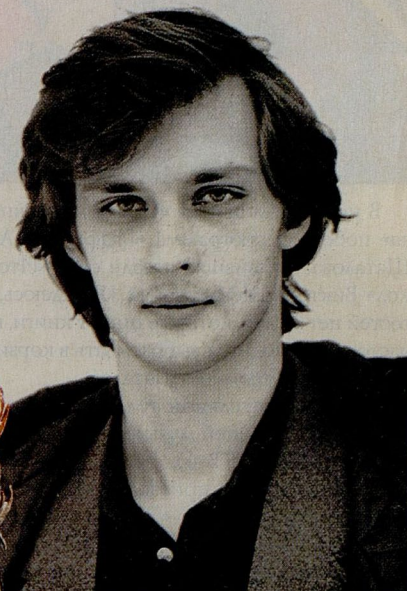
— Александр, вы производите впечатление баловня судьбы, которому жизнь преподнесла много подарков.

— Смотря что считать подарком. Чтобы заслужить благосклонность судьбы, надо много работать. И я не просто люблю работать, я по натуре трудолюбив, старающийся все делать хорошо.

— С театром и кино в вашей семье никто связан не был?

— Да нет, я один такой в семье. Мой отец, правда, начинал артистическую карьеру, но это было в 1940 году. В конце 41-го он ушел на фронт и больше к театру не возвращался. Отец был завкафедрой в Московском автодорожном институте, и брат (он старше меня на десять лет) закончил МАДИ, но их технические таланты мне не передались. А отец на мое заявление, что пойду в театральный, только вздохнул: «Ладно, иди в актеры, раз больше ничего не умеешь». Я и пошел.

Граф, вам пора! «Спокойной ночи, малыши!» начинаются!

IV курс Щепкинское училище (1984 год)

— Итак, началась ваша актерская карьера...

— В Щепкинское училище я поступил сразу, хотя был совершенно зеленым — не представлял, куда иду. Потом все протекало довольно ровно: в трех дипломных спектаклях (они шли в филиале Малого театра) я играл трех совсем разных персонажей, в том числе Раскольникова. Правда, тяжело приходилось — на спектакле всегда были школьники, проходили «Преступление и наказание» по программе. Когда Раскольников по ходу действия стучал в дверь, с балкона кричали: «Кто там?» — «Это я, почтальон Печкин!». Тогда это меня ужасно бесило, а сейчас кажется забавным.

— Что было потом?

— Приглашение в Малый театр. Для выпускников училища это было чрезвычайно престижно. Полгода я проработал в Малом, а потом перешел в команду Театра Советской Армии.

— Когда вы начали работать в кино?

— Я начал сниматься сразу после окончания училища. Первая картина называлась «Наследство», по пьесе Софронова. Потом «Ломоносов», я играл Сумарокова. В «Визите дамы» — молодого актера. Снимался в «Гар-

Александр Домогогаров

де-маринах...» и надеюсь продолжить сотрудничество со Светланой Дружининой. В картине Бориса Бланка «Если бы знать...» (вариант чеховских «Трех сестер») играл Соленого, после чего получил массу предложений сниматься. Соленый — это, наверное, моя единственная характерная роль в кино. Все остальное — «использование» лица. А потом началась эпопея с «Графиней де Монсоро».

— Но уж роль графа де Бюсси вы играете так, словно это для вас подарок!

— Работать в «Монсоро» мне было приятно по всем статьям. Этот мушкетерский флер — плащи, шпаги, скачки... Словно сбывшись все детские мечты. Когда мне было пять лет, я выпрашивал у родителей жеребеночка. Мне так хотелось держать его в гараже и кормить сеном! А в школе я, начитавшись Дюма, мечтал совершить красивый подвиг во спасение какой-нибудь прекрасной дамы, ну хоть девчонки-одноклассницы, похожей на госпожу Бонасье.

— А вы замечали, что благородные герои Дюма — мушкетеры, тот же де Бюсси — благородны очень избирательно, только по отношению к тем, кого любят?

— Я старался сделать своего героя неоднозначным. Чисто по-человечески и мне было не очень приятно, например, заставлять ждать королеву-мать перед городскими воротами или обманывать «мужа», но что поделаешь! Таковы условия большой политики и игры, которую вел граф. Он был человеком очень странным. В двадцать восемь лет он был уже полковником, фехтовал и левой, и правой рукой. Стихи писал! А в Варфоломеевскую ночь «замочил» четырнадцать родственников. За этот подвиг де Бюсси получил четырнадцать замков. Этот человек хотел быть «королем короля», и это ему почти удалось.

«Подходите! Ближе, ближе!...»
(«Графиня де Монсоро»)

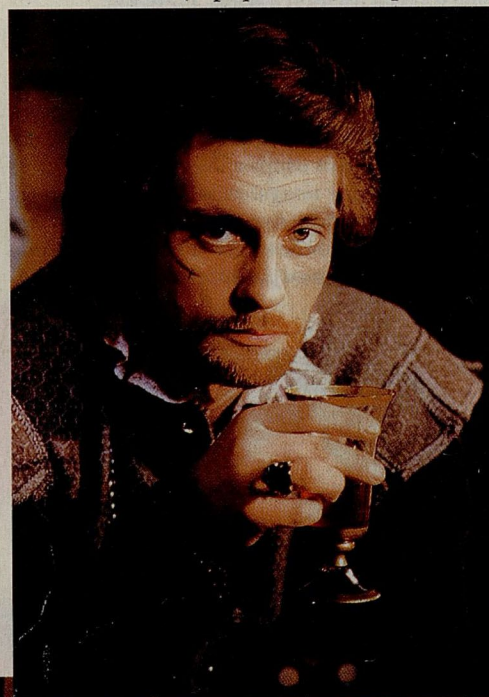
— Какой эпизод съемок «Монсоро» был самым ярким?

— Для меня весь период съемок слился в один длинный-длинный день. Создалась такая команда (а ведь фильм снимался три с половиной года), что мы и сейчас встречаемся как семья. И если сесть и начать вспоминать, что было в Чехии...

— А что было в Чехии? Лошади понесли?

— Нет, лошади меня понесли в Польше. В Чехии нас поселили в пригороде, в гостинице для транзитных пассажиров. Мы решили поужинать. Сдвинули столы. Часов в десять приехали американцы, нас погнали из ресторана. Ну, вы понимаете, что значит сказать русским: «Уходите, американцы приехали!». Но в результате все закон-

Тяжела участь аристократов: в любом бокале может быть яд («Графиня де Монсоро»)

чилось братанием русско-американского народа. Я играл на пианино, мы пели Вертинского. Потом вместе с американцами исполнили «Хаву Нагилу»... Так это и было: вечера, переходящие в съемки, съемки, переходящие в вечера.

— Так-таки сплошная идиллия?

— Был один несчастный случай. Снимали последний бой де Бюсси. Топор килограмма в три весом сорвался с рукоятки и задел парня с видеокамерой. Приехала «скорая», но, к счастью, травма оказалась не очень серьезной.

— Когда вы сказали, что в кино обычно «использовали» только ваше лицо, радости в голосе явно не было. Но вам же удалось создать образ романтического героя. Вас даже называли русским Ромео. А это совсем неплохо в наше истосковавшееся по романтике время.

— В обыденной жизни я вовсе не романтик, а реалист. Но, полагаю, романтики хватит на любой век. Нелепо думать, что благородство зависит от того, есть ли у тебя на боку шпага. Просто по законам жанра у «красавчика» меньше шансов на глубокую психологическую роль. Раскольников и Соленый — исключения. Таких героев не так много. А желание любого актера —

И такой мужчина хочет сыграть уродца?

Спектакль «Милый друг»
в Театре им. Моссовета
(с Маргаритой Тереховой)

Фото Сергея Иванова

не только упражняться в фехтовании, но и создавать сложный психологический образ. Действительно, иногда я с тоской думаю, что мое амплуа — быть красивым. В свое время с переходом в Театр имени Моссовета кое-что у меня изменилось. Как писали тогда о спектакле «Мой бедный Марат»: «Эксплуатирование внешних данных этого артиста не убило в нем настоящего таланта...». Ведь когда человека постоянно используют в одном и том же амплуа, у него накапливается дурная энергетика. Нужен выплеск, нужен выход, иначе меняется нутро. И лицо тоже меняется, тридцать четыре года написаны на лбу. И я стараюсь, чтобы у меня эти выходы за рамки амплуа были.

В течение нескольких месяцев чуть ли не каждую неделю удираю в Польшу, где снимаюсь в картине Ежи Хофмана «Огнем и мечом». Это продолжение экранизации трилогии Генрика Сенкевича «Потоп», «Пан Володыевский». Вот здесь-то как раз и может получиться то, о чем я так давно мечтал, — соединение образа романтического, «костюмного» героя с характерным. Мне нравится, что мое лицо можно взять и замазать сажей. Полкартины так и происходит. Зрелище получается страшноватое. Хотя есть и романтические сцены, в которых я буду и в парадном костюме, и с пером на шляпе. Ведь, чтобы понравиться, герой должен быть отмытым и симпатичным?! Но в основном я буду ходить в крови, в грязи, потому что идет война.

— А вам, вообще, хотелось бы сыграть уродца?

— Очень! Обаятельного и умного уродца! Сирано де Бержерака или Квазимодо. Помните стихотворение, которое сочинил Квазимодо для Эсмеральды, о том, что красота — это шелуха, а «правдиво одно лишь сердце»? Для меня, пожалуй, это самое интересное: совместить в себе, так сказать, «красавца и чудовище».

Александр I и Александр II

— Когда на наши экраны вышел фильм «Д'Артаньян и три мушкетера», все были влюблены в Д'Артаньяна-Боярского. Не хотели бы вы, ну... не стать новым Боярским, конечно, но сделаться эдаким актером-мушкетером?

— Вот если к этим ролям прибавить еще много не менее интересных и не менее любимых, вот тогда хорошо. Замечательно, если тебя любят девчонки, помешанные на романтике, но иногда это очень мешает, сбивает с толку. Если тебе постоянно жужжат в уши, какой ты красавчик и какой гениальный, трудно в это не поверить. А надо все это делить на пятьдесят и продолжать осознать, что ты есть на самом деле и сколько еще требуется работать.

— Александр, вы никогда не рассказываете о своей личной жизни. Почему?

— Тема моей личной жизни закрыта. Для всех. Никто обо мне ничего не знает: с кем я живу — с Машей, Дуней, Катей... Могут только догадываться. Имено я право жить так, как хочу, выйти вечером из театра, сесть в машину и поехать налево... или направо?!

— Боясь, не получится. Потому что вы актер, в которого влюбляются тысячи телезрительниц, забаливают нашу редакцию письмами: «Хотим Домогарова!». Не пугай-

Фото Сергея Иванова

Воистину Их Сиятельство...

что вы теперь всю жизнь должны под ручку ходить.

— Это нонсенс. Мы дружим, с удовольствием общаемся, но не более того. Вообще, не ждите от меня цветистых рассказов. Я очень банальный и скучный человек. Я и на тусовки не хожу. Стараюсь жить по своим законам. Иначе можно погубить то небольшое дорогое, что у меня есть.

— А что для вас дорого?

— Во-первых, стихи Киплинга. Они для меня как лекарство. Лечат, если заболела. Он поэт жесткий, не лирический, и это, в общем, мне соответствует. И, конечно, моя работа. И мой девятилетний сын Саша.

— И у вас, при вашем отношении к работе, хватает времени на его воспитание?

— Мне кажется, что чем более серьезным делом ты занимаешься, тем большую ответственность несешь перед ребенком. Не только как отец, но и как личность. Конечно, мне трудно найти время для всего, но я очень стараюсь. Чтобы потом не пришлось кусать себе локти, видя, что рядом с тобой растет человек, а ты и не догадываешься, чем он дышит.

— Как он реагирует на вашу популярность?

— Слава Богу, никак. В школе у него учителя — умные люди, не задают лишних вопросов. Мне бы не хотелось, чтобы сын что-то такое о себе воображал только потому, что меня в течение какого-то времени показывали по телевизору. Если будет выпендриваться, я ему первый голову откручу.

— Какое чувство помогает вам работать?

— Я влюблен в жизнь, в свою профессию. А будучи влюбленным, я могу своротить горы.

Евгения Леонова

Фото из архива Александра Домогарова

67

Л и ц о н е д е л и

Быть можно дельным человеком и думать о красе... волос

тес, надо думать, речь идет всего лишь об интервью.

— Я работаю в театре, пусть мои поклонники приходят на спектакль, посмотрят на меня, поговорят, если удачи. Стоят же девчонки у театра, подходят: «А можно с вами поговорить?». Когда настроение благодушное, соглашаюсь.

— Какой тип женской красоты вы предпочитаете?

— Ничего определенного сказать не могу. Влюбляешься не в блондинку или брюнетку, не в длинные ноги или красивые глаза — влюбляешься в женщину.

— А могли бы вы полюбить некрасивую?

— А разве бывают некрасивые женщины?

— Ну хорошо. Скажите хотя бы, какая актриса вам нравилась в юности?

— Марина Неелова. В фильме «Старая, старая сказка» она не была ослепительной красавицей — два хвостика на голове, широко распахнутые глаза, но было в ней что-то особенное. Ну кто еще... Барбара Брыльска из «Иронии судьбы...».

— А ваша партнерша по «Монсору» Габриэла Мариани? Многие зрители считают,

Фото Сергея Иванова

